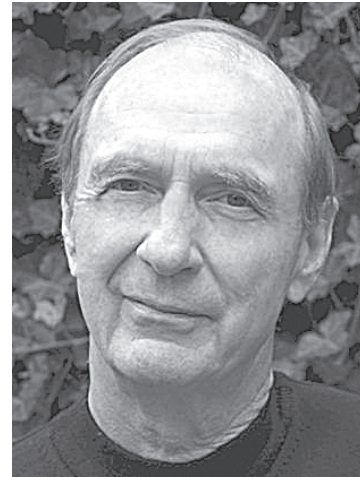

Кеннет Дж. Герген

СОТОВЫЙ ТЕЛЕФОН И ОТСУТСТВУЮЩЕЕ ПРИСУТСТВИЕ *

Кеннет Дж. Герген — профессор психологии Свартморского Колледжа (США). Начав свою карьеру как социальный психолог, он стал одним из основателей движения социального конструкционизма в психологии и социальных науках. В 1991 году вместе в группой коллег им был организован Таосский институт (www.taosinstitute.net). Деятельность этого института направлена на исследование и разработку практических методов работы с семьями, сообществами и организациями с позиций социального конструкционизма.

В статье представлены размышления автора о влиянии современных коммуникационных технологий, в особенности — мобильной связи, на человеческую жизнь. Люди существуют в мире взаимоотношений, в которых создаются и поддерживаются смысловые поля. Современные коммуникационные технологии обеспечивают вторжение ранее скрытых смысловых полей и голосов в мир очных человеческих взаимоотношений, что приводит к подрыву традиционных культурных ценностей и распространению «отсутствующего присутствия». Человеческая идентичность становится все более размытой, «вероятностной», реальность виртуализируется. В отличие от технологий «монологического» типа (радио, телевидение, аудио- и видеозаписи), сотовый телефон относится к «диалогическим» технологиям, обладающим значительной силой трансформирующего влияния на то, как люди конструируют мир. Ожидается, что сотовый телефон будет способствовать возникновению новых форм культурного взаимодействия между людьми.

Ключевые слова: коммуникационные технологии, смысловые поля, отсутствующее присутствие, сотовый телефон.

* Пер. с англ. Кутузовой Д.А. Опубликовано с разрешения автора.

«Пусть ваши домашние знают, где сердце ваше».
Реклама сотовых телефонов

Сцена — помещение в доме престарелых. Уилфред входит на веранду в поисках двух близких друзей. Ему повезло: они оба здесь. Но увы! Подруга Уилфреда совершенно недоступна ему — она слушает плеер, а друг Уилфреда поглощен чтением книги. Ни один из них не обращает на вошедшего внимания. Раздосадованный, Уилфред молча смотрит в пространство. Так начинается лондонская пьеса Рональда Хартвуда «Квартет». Стары мы или молоды, — мы моментально отождествляемся с этой сценой. Как часто мы входим в комнату и обнаруживаем наших домашних, друзей или коллег неотрывно смотрящими в экран компьютера, телевизора, — или с телефоном, плеером, газетой или книгой в руках! Иногда они тут же приветствуют нас, но порой их отклик на наше присутствие предваряет некая пауза, и даже с легким раздражением во взгляде. А бывает так, что они вовсе не замечают нашего присутствия. Мы здесь есть, но другие люди ведут себя так, как будто нас нет. Отсутствующее присутствие «стерло» нас, и мы стали «невидимыми».

В этом тексте я хотел бы исследовать именно экспансию, распространение отсутствующего присутствия в двадцатом веке. Меня волнует растущее поле отвлеченного, или разделенного, сознания, которое возникает вследствие засилья коммуникационных технологий, и сотовых телефонов в особенности. Человек физически присутствует, но он поглощен технически опосредствованным миром «чего-то еще». Обычно это мир взаимоотношений, активных и чуждых, в которых создаются и поддерживаются смысловые поля (domains of meaning). Эти поля скрытого смысла все больше внедряются, просачиваются в мир полного присутствия, тот мир, в который иначе человек был бы включен полностью, мир очных, непосредственных взаимоотношений «лицом к лицу». В этой статье я бы хотел в первую очередь исследовать развитие отсутствующего присутствия и рассмотреть его масштабные последствия для культурной жизни. Как мы обнаружим, эти последствия значимы и многомерны. В той мере, в какой они также подрывают распространенные культурные ценности, эти последствия суть формы воздействия, по отношению к которым человек едва ли может оставаться нейтральным. Далее я рассмотрю вхождение в культурную жизнь мобильных телефонов. В каком-то смысле сотовый телефон расширяет сферу влияния отсутствующего присутствия, но, из-за своей особой

технологической конфигурации, он подчиняет себе или «оборачивает» основные эффекты других коммуникационных технологий. А потом мы ненадолго заглянем в будущее. Хотя сотовые телефоны сейчас создают значимые и интересные культурные формации, не ясно, будет ли поддерживаться подобная траектория.

Экспансия отсутствующего присутствия и его последствия

В своей классической работе о письменной и устной культуре Вальтер Онг (Ong, 1982) в основном рассматривал влияние печатных текстов на психическую жизнь, включая структуру памяти, рациональное мышление и формы понимания. Однако он уделил немного внимания влиянию печатного текста на социальную жизнь, тому, как именно «печатные взаимоотношения» посягают на имеющиеся у нас формы близости, доверия, семейной жизни и отношений в сообществе. Однако именно в контексте социальной жизни мы обнаруживаем, что технология книгопечатания — это одна из наиболее мощных революционных сил, преобразивших общество за последние 2000 лет. Чтобы оценить важность печати, полезно вначале рассмотреть происхождение и функции языка. Язык порождается, существует и обретает смысл в скоординированном взаимодействии людей. Именно язык дает людям способы понимания мира и самих себя. В сообществах людей язык задает не только онтологию повседневной жизни, но и моральный кодекс. Язык играет интегрирующую роль в создании и объяснении традиций и социальных институтов общества (Gergen, 1994). Таким образом, когда мы, например, порождаем язык справедливости, свободы и знания, и по мере того, как этот язык начинает играть конституирующую роль в наших социальных институтах (то есть, возникают законодательство, правительство и образование), — в группе людей развивается взаимопонимание и она обретает возможность самоидентификации в качестве отдельного и отличного от других сообщества.

При отсутствии вмешательств со стороны, локальная онтология и мораль могут поддерживаться относительно просто. Если несогласных нет, то уклад жизни практически не с чем сравнивать, и вопросов к традициям нет. Таким образом, пока все голоса сливаются в единодушном признании того, что земля плоская, нет резона кричать, что она круглая! Такое заявление само по себе покажется чушью и полнейшей бессмыслицей. Но в печати сокрыт потенциал всемирной революции. Мириады голосов из отдаленных селений могут в любой момент про-

скользнуть незамеченными и бросить вызов бережно хранимым реальностям непосредственного окружения человека. Печать — это троянский конь; как только он оказывается внутри, из него может выскочить целая армия несогласных. В печатном тексте присутствуют отсутствующие голоса, и по мере того, как они оказываются услышанными, усвоенными, заявления локального сообщества теряют свое влияние. Каждый традиционалист и тиран в какой-то момент осознавал, что в печатном тексте таится тревога, бунт, революция; об этом говорят нам и цензура, и закрытие газет, и сжигание книг. Местечковые газеты, кружки по изучению Библии, список классической литературы, которую все обязаны прочесть, учась в университете, — это всего лишь несколько примеров той же самой технологии, поставленной служить защите установленной реальности и морали.

Однако, невзирая на ее значимость, технология печати — это всего лишь первая ласточка в наступлении отсутствующего присутствия. Технологические достижения современности, то есть двадцатого века, значительно расширили поле отсутствующего присутствия. Я говорю здесь не об электрификации всех стран, позволяющей людям читать сутки напролет, и не о невероятном увеличении количества печатных работ — газет, романов, профессиональной литературы и т.п. Известно, что примерно 90% печатных работ, наводняющих сейчас Западный мир, были созданы в течение последних ста лет. Но мы сосредоточимся не на этом. Нам следует рассмотреть все коммуникационные технологии, вносящие существенный вклад в отсутствующее присутствие, — все то, что помогает людям общаться на расстоянии.

В первую очередь мы обратимся к так называемым технологиям *монологического* присутствия, наиболее яркими представителями которых являются радио, электронные устройства звукозаписи (например, фонограф, магнитофон, CD-рекордер), кинематограф и телевидение. Все эти технологии — популистские, промышленность поддерживает их материально; радио- и телевидение достигают сегодня практически каждого дома в Соединенных Штатах. Эти технологии вносят двоякий вклад в отсутствующее присутствие, и оба фактора заслуживают внимания. Во-первых, потенциал «выбивания человека из повседневной реальности» (*dislodgement*) у этих технологий достаточно низок, они не очень-то способны поколебать местный уклад и подвергнуть сомнению представления о том, что такое «хорошо» и «по-настоящему», принятые в локальном сообществе. Монологические технологии могут предоставить человеку информацию или стимулировать его;

они вещают, но ответить им практически невозможно. Они включают чуждые голоса в повседневные обстоятельства, но очень мало способов как-то отозваться на них. Нельзя напрямую спросить голос из телевизора: «Что ты имеешь в виду? Проясни, приведи пример!..» В подобных коммуникационных средствах мало возможностей для диалогической вовлеченности, которая как раз и порождает глубокие трансформации понимания и добровольно взятой на себя ответственности (*commitment*). Как правило, голоса из телевизора и другие монологические ораторы знают очень мало о личной жизни своей аудитории. Послания радио, телевидения и кино в этом смысле безличны, и звучат все-таки в некотором отдалении от непосредственных жизненных условий аудитории¹. На них можно обращать внимание, а можно не обращать, считать их фоновым шумом и вообще выключить, просто нажав на кнопку.

Вторая значимая черта монологических технологий — их *прогрессирующая приватность*. Когда эти технологии только возникли, они были рассчитаны на коллективное восприятие. Семьи собирались у радиоприемника, потом у телевизора. Музыкальные записи обычно проигрывались на общем магнитофоне, и тем самым были доступны всем членам семьи. В кино ходили с друзьями, с любимым человеком или всей семьей. Аудитория монологических технологий могла обсуждать увиденное или услышанное. Разнообразие мнений противостояло подрывающему влиянию коммуникационных технологий. Как демонстрируют многочисленные исследования коммуникации, существует очень много обстоятельств, в которых аудитория присваивает смысл входящего сообщения и использует его в своих целях. Например, Браун (Brown, 1994) исследовал аудиторию зрителей «мыльных опер» и обнаружил, что, — в противоречии с распространенным мнением о том, будто этот жанр якобы искусства поддерживает патриархальную систему ценностей, — женщины-зрительницы, обсуждая фильмы, становятся более восприимчивыми к патриархальным ценностям и, соответ-

¹ Интересно рассмотреть книгопечатание в этом контексте. Хотя оно относится к монологическим технологиям, в нем часто содержится потенциал трансформации, далеко превосходящий радио и телевидение. Отчасти подобное различие может быть следствием того, что сам акт чтения граничит с диалогом. Мы можем сами регулировать темп чтения, мы можем остановиться и подумать, встать на точку зрения автора, в результате чтение способствует гораздо большей вовлеченности. Можно сказать иначе: во время чтения человек часто создает для себя образ автора и вступает в некие личные отношения с ним. — *Прим.автора.*

ственно, более способными противодействовать им. В своих беседах женщины используют материал «мыльных опер», чтобы придать себе силы и поверить в себя. Однако по мере того, как стоимость технологической монологической коммуникации снижается, а сами устройства становятся более миниатюрными, коллективный просмотр или прослушивание вещания теряет популярность. Во многих домах сейчас есть несколько телевизоров, чтобы члены семьи могли независимо друг от друга предаваться удовлетворению личных прихотей и вкусов. На многих трансконтинентальных авиарейсах каждый пассажир обеспечен личным телеэкраном, и доступен выбор из множества каналов. Видеофильмы теперь можно смотреть у себя в комнате, обладатель аудиоплеера может наслаждаться любимой музыкой в одиночку. Более того, с умножением радиостанций и телеканалов вероятность того, что другие люди смотрели тот же фильм или слушали ту же музыку, значительно уменьшается. Обобщая, можно сказать, что в случае монологических технологий сила их трансформирующего влияния невелика, однако с их помощью люди оказываются замкнутыми в своих личных, частных мирах, в противовес общим, коллективным мирам.

Полезно будет сравнить монологические и диалогические коммуникационные технологии. Ко второй категории можно отнести телефон, видео- и компьютерные игры, и в основном, конечно, Интернет². Все эти технологии облегчают поток интерактивного движения смыслов. Обсуждение телефона я отложу до того момента, когда мы дойдем до возникновения технологии сотовой связи. Видео- и компьютерные игры, хотя и диалогичны, относительно пусты в плане содержания, так или иначе связанного с миром за их пределами. Нас беспокоит, может ли, и как именно, насилие из подобных игр распространяться во «внешний мир», но аналогия между звездными войнами, например, и испытаниями повседневной жизни очень слаба. Интернет, конечно, значительно сильнее способствует трансформации того, как мы конструируем мир. «Всемирная паутина» дает экспансии отсутствующего присутствия гораздо больше, чем печать. Она обеспечивает возможность мгновенного контакта между людьми по всему миру. Чуждые голоса из любого местечка могут в любое время включиться в сознание человека. Более того, электронная почта побуждает нас к значительной диалогической вклю-

² Об исследованиях Интернета в психологии можно посмотреть работу А.Е.Войскупского (<http://psynet.carfax.ru/texts/voysk1.htm>). — Прим. пер.

ченности. По контрасту с монологическими технологиями, здесь человек участвует в конструировании мира, и эта конструкция может уникально отражать индивидуальные обстоятельства жизни каждого. В отличие от большинства монологических технологий, электронная почта — дело полностью приватное. С наступлением этих технологий настоящее виртуально стирается доминирующим отсутствием.

Отзвук отсутствующего присутствия в культуре

«Интернет проявляет глубокое неуважение к традициям, установленному порядку и иерархии»
Фарик Закария, редактор журнала «Foreign Affairs»

Если мы примем как данность стремительное распространение отсутствующего присутствия, посредством как монологических, так и диалогических технологий, то нам важно более подробно рассмотреть его влияние на культурную жизнь. Этот основной отчет будет важен нам, когда мы перейдем к рассмотрению технологии сотовой связи, чтобы проследить отклонения и перемены, которые приносит она. Мы кратко рассмотрим четыре основных перемены в культурной жизни, к которым ведет экспансия отсутствующего присутствия.

Опасные связи

В романе де Лакло «Опасные связи», написанном в 18 веке, главные герои, любовники Вальмон и Мертей заключают пакт, который даст им возможность состязаться между собой в соблазнении других. Их близость будет подкреплена и усилена их способностью раскрывать свои желания и манипулятивные намерения друг перед другом и оказывать друг другу помощь в осуществлении этих желаний. При каждом соблазнении они рискуют, потому что их собственная близость может быть разрушена, так как любой из них может влюбиться в объект своего желания. В результате эта изящная игра желания и доверия приводит к катастрофе. В каком-то важном смысле, возникающее поле отсутствующего присутствия создает фон «опасных связей» для повседневной жизни. Радио, телевидение, журналы, книги и кино поглощают наши фантазии, зажигают наши желания, предлагают нам новые идеи и направления, и реальность того, что мы называем нашими «первичными связями», тоже оказывается под угрозой. Интересы и вдохновение человека могут быть отвлечены от его ближайшего окружения

— куда угодно. Диалогическое развитие местного (local) смысла также может быть скрыто. Когда мы слушаем голоса издалека, мы больше не конструируем совместно реальность и мораль местного сообщества. По мере того, как общение по Интернету все больше поглощает наше внимание, возникают новые группы смыслов. Они могут быть совместимы с первичными полями реальности и морали, а могут быть им ортогональны или вообще находиться в полном противоречии с ними.

Здесь мы можем увидеть «темную сторону» того, что кибергуру, такие, как Ховард Рейнгольд (Rheingold, 1994), приветствуют как «наступление киберсообщества». Киберсообщество наступает, когда местное, реальное сообщество не может больше выдержать это давление, когда оно становится маловажным или скрытым, так что изначальные узы общего доверия распадаются. Дружба, близость, семья, соседи перестают быть первичными источниками смысла, и к ним становится возможно относиться отстраненно, с точки зрения какой-то совсем другой области реальности. Драматичность тем более возрастает тогда, когда требования локального отменяются вовсе, и ситуация располагает к нарушению моральных стандартов, например, к увлечению детской порнографией, к массовым самоубийствам членов секты «Врат небесных», к побоищу в школе Коламбайн Хай. Но здесь важно не переборщить. Неясно, что должно произойти, чтобы процессы в киберсообществе захватили пользователя в плен, и многие критики очень скептически относятся к силе кибер-опосредствованных взаимоотношений. Например, по мере того, как общее количество электронных писем увеличивается, значимость написанного слова постепенно уменьшается. Сообщения отдельного человека могут просто-напросто затеряться. Когда приходится отвечать на огромное количество электронных сообщений, ответы из категории «личного самовыражения» могут перейти в категорию «полезных» или «обязательных» актов. Личное может стать прагматическим. В то же самое время, есть группы людей, для которых киберсообщества могут оказаться очень полезными, и даже представлять единственную возможность для самореализации. Для стариков, больных, инвалидов, одиноких людей киберотношения могут стать бесценным источником поддержки, способом связи с культурой в целом. Для тех, кто нуждается в поддержке и понимании, эмпатии, киберсообщество может предоставить гораздо больше ресурсов, нежели семья и друзья. Так или иначе, по мере того, как поле отсутствующего присутствия разрастается, уменьшается значимость отношений «лицом к лицу».

Горизонтальные взаимоотношения

В Западной культуре мы привыкли оценивать отношения по тому, насколько важную, центральную роль они играют в жизни человека. Например, в научном мире мы часто и помногу теоретизируем о влиянии «значимых других» на нашу жизнь. Более того, близкие отношения традиционно считаются очень ценными. Мы считаем, что жизнь становится богаче, когда достигаем глубины или близости в отношениях. Ценность «глубоких отношений» можно противопоставить другому идеалу — «широте» круга знакомств. Мы остерегаемся тех, кто находится в социальной изоляции, и жалеем изгнанников; мы говорим о разнообразии общения и поддержки, которые можно получить, если у вас много знакомых, друзей и коллег. В целях нашего анализа давайте обозначим идеал «глубины» как *вертикальные взаимоотношения*, а идеал широты круга знакомств — как *горизонтальные*. Подобные термины особенно подчеркивают противоположность этих идеалов. Общение в вертикальном регистре требует, чтобы мы уделяли человеку внимание, вкладывали силы в отношения, добровольно принимали на себя ответственность и даже были готовы чем-то поступиться. Когда человек успешно вовлечен в отношения вертикального регистра, мы часто обнаруживаем, что посторонние люди просто не нужны и не интересны ему. Однако отношения с большим количеством друзей, коллег и т.п. также требуют вложения времени и сил. Подросток, стремящийся к популярности, несет тяжкое бремя. Молодой человек, который проводит со своими приятелями каждый вечер, может иметь проблемы с серьезными близкими отношениями. Взрослый человек, решивший опереться в жизни на создание «своего круга», блуждает в бесконечном лабиринте.

В этом контексте мы можем рассмотреть экспансию отсутствующего присутствия как нечто, в сущности, способствующее культурному сдвигу от отношений вертикального регистра к отношениям горизонтального регистра. По мере того, как технологии отсутствующего присутствия отвлекают и перенаправляют наше внимание, количество отношений — реальных, виртуальных или воображаемых — увеличивается. Можно влюбиться в работы писателя, режиссера, композитора, танцовщика или исполнителя джаза, и, как правило, это означает расширение сети знакомств с теми, кто увлечен тем же самым. Для многих мужчин спортивные программы по телевизору выступают в качестве суррогатных приятелей. В воскресенье днем, к примеру, когда по телевизору показывают футбол, молодой человек может прекрасно обойтись без жены и друзей, с которыми он раньше ходил на матчи. Интер-

нет экспоненциально расширяет систему горизонтальных взаимоотношений. Когда вы лазаете по Сети, вы тем самым все равно что приветственно машете огромной компании знакомых. Некоторые из этих знакомств достаточно поверхностны, другие же привлекают очень много внимания. В какой-то степени, возможно, мы сейчас наблюдаем обесценивание глубины отношений. На такую мысль нас также наводит тот факт, что средний возраст вступления в брак сильно увеличился, в то время как вероятность сохранения брака постепенно уменьшается. Как указывают нам данные переписи населения, в Соединенных Штатах уже скоро большинство людей будут жить по отдельности друг от друга, сами по себе. Но, конечно, не в одиночестве, а в компании телевизора, радио, CD-плеера, видеомэгафона и компьютера.

Люди без свойств

В романе Роберта Музиля «Человек без свойств» (The Man without Qualities), написанном на рубеже века, мы сталкиваемся с возможностью культуры, в которой индивидуумы не обладают чем-то, что можно было бы назвать характером. Это не только Ульрих, главный герой, который чувствует, что «равно близок и равно удален от всех свойств, и все они, мои ли собственные или чужие, фактически не имеют значения» (стр. 151). Музилю кажется, что общество движется в этом направлении. Будучи в какой-то степени пророком, Музиль, однако же, не столкнулся с драматическим расширением отсутствующего присутствия. В каком-то отношении коммуникационные технологии, которые мы рассматриваем, могут считаться «препарирующими я» (self-viscerating). Что нам требуется для того, чтобы обрести какое-то качество характера, особенность, моральную позицию, индивидуальную манеру мышления или чувствования, — словом, все то, что мы обычно обозначаем как «я сам»? В существенной степени обладание некоторым идентифицируемым я (self) требует наличия сообщества людей, которые признают нас именно такими, поддерживают это представление на протяжении длительного времени и в различных ситуациях, и даже требуют от человека, чтобы он продолжал соответствовать впечатлению о нем. Как выразился Аласдер Макинтайр, чтобы быть *собой* в моральном смысле слова, нужно «отчитываться за действия и переживания, составляющие жизнь — соответствующую требованиям жизненной истории в рамках определенного сообщества».

Однако по мере того, как поле отсутствующего присутствия расширяется, опоры (scaffolding) узнаваемого я слабеют. В каждом новом

анклаве смысла, созданном в непосредственном взаимодействии или отчужденно, порождаются новые я. Когда мы смотрим фильм о войне, о романтической любви или героических деяниях, сексуальности и т.д., мы тем самым молча отыгрываем возможность «быть другим». Тем самым вызов брошен горизонтам бытия. Местное, локальное может постепенно начать казаться «приходским», местечковым. Уолтер Митти³, Фрэнк Харрис⁴ и Томас Рипли⁵ внутри нас стремятся вырваться на свободу. Видео- и компьютерные игры могут сделать эту тоску явственнее. Подобные игры в какой-то степени воодушевляли тех, кто перестрелял своих соучеников в школе Коламбайн Хай. Что касается Интернета, вступить в переписку по электронной почте, подписаться на рассылку, ходить в чат или изучать сайт религиозного или порнографического содержания — значит, расширять возможности того, «кем я могу быть». Однако в то же самое время, когда в реальном сообществе источники идентифицируемого я становятся менее влиятельными, все сложнее ответить на вопрос «кто я». Мы тем самым переходим в культурную ситуацию, где наша идентичность становится все более случайной, условной и необязательной (optional)⁶.

Новый парящий мир

В конце 19 века в Токио среди купцов стал распространен новый стиль жизни, сутью которого была исключительная сосредоточенность на преходящем наслаждении. Все вращалось вокруг приятного времяпрепровождения, чувственных удовольствий, проституции и самопотакания. Из-за того, что этот стиль жизни разьедал социальные традиции, знать осуждала его. На Западе в двадцатом веке мы сталкиваемся с возникновением новой формы «парящего» мира, воплощаемого технологиями отсутствующего присутствия. Больше всего меня беспокоит **появление мира смыслов, оторванного от прагматики повседневной жизни**. Чтобы разобраться в этом, давайте вернемся к более раннему обсуждению социальных основ языка. Как было указано, **язык**

³ Персонаж комедии 1947 года «Тайная жизнь Уолтера Митти» (в 2006 году Стивен Спилберг выпустит римейк этого фильма). — *Прим. пер.*

⁴ Персонаж фильма «Cool world» (1992) — в переводе фильм называется «Крутой мир» или «Холодный мир». — *Прим. пер.*

⁵ Персонаж книги П.Хайсмита «Талантливый мистер Рипли» и одноименного фильма. — *Прим. пер.*

⁶ Для дальнейшего обсуждения технологии и утраты я, см.: Gergen (1996, 2000). — *Прим. автора.*

возникает, когда люди пытаются договориться, скоординировать свои действия в какой-либо совместной деятельности. Давайте теперь представим некий первичный уровень координации деятельности, происходящей во вполне материальных условиях; язык существенно важен, чтобы такая деятельность привела к достижению результата и была эффективной. Когда хирург просит подать ему скальпель, когда пилот обращается к штурману за координатами, или строитель хочет положить камень на быстро застывающий раствор, очень важно, чтобы человек, к которому обращаются, понимал слова совершенно так же, как говорящий. Хотя и не требующее такой точности, повседневное использование языка в отношениях «лицом к лицу» очень часто является первостепенным. Такие комментарии, как «Передай мне, пожалуйста, сахар», «Ты не видел ключи от моей машины?» или «Запишите задание на понедельник» очень тесно связаны с прагматическими результатами. Давайте сравним это с вторичным уровнем координации, когда обсуждаемое действие — говорение или письмо. Мы можем обсуждать наше несогласие по поводу президента, ценности, отраженные в учебной программе, или наши впечатления о фильме или книге. В подобного рода коммуникации наш разговор может в конце концов повлиять на наши действия в материальных условиях, в условиях взаимной зависимости, но это происходит не всегда и не обязательно. Можно рассмотреть и третий, и четвертый уровни координации, когда мы обсуждаем, например, саму динамику нашего разговора об абортах, или о ценности поэзии, или о том, как в исторических книгах были представлены различные меньшинства. Здесь мы продвигаемся к тому, что можно назвать «парящим» уровнем обозначений, — это мир, в котором отношения между языком и актуальной практической деятельностью неоднозначны, если вообще имеют значение.

Вот новый парящий мир, возникновение которого облегчает отсутствующее присутствие. Прочитать книгу, посмотреть фильм или спортивную телепрограмму — значит, включиться в мир репрезентаций, в то, что Дебор мог бы назвать «миром спектакля», а Бодрийяр — «гиперреальностью». Таким же образом, когда обмен электронными сообщениями создает свой собственный мир «объектов разговора», они могут парить свободно, не будучи привязанными к повседневности. Мы можем спросить, каков же отзвук этой парящей реальности в повседневной жизни? Здесь мы должны рассмотреть, например, эффекты подавления языка первого уровня. Проще говоря, когда мы уделяем внимание парящим реальностям, туда же мы направляем наши умения, на-

выки, поведенческий репертуар, творческие достижения, — все то, что требуется нам для эффективного общения и взаимодействия в неvirtуальных отношениях. На них у нас перестает хватать энергии. Когда философская, этическая литература растет и развивается на основе самой себя, нравственные дилеммы повседневной жизни откладываются в сторону. Бесконечные обсуждения чего-либо в электронных рассылках и дискуссионных листах часто выполняют мало функций помимо поддержания существования самой рассылки. В худшем случае, жизнь в парящих мирах отсутствующего присутствия может привести к обесцениванию обыденной жизни. В сравнении со славой звездных войн, Нобелевской премией и чемпионатом мира по шахматам, работа на полную ставку, хождение на рынок, уплата налогов и воспитание детей кажутся тоскливыми, тяготными упражнениями.

Ну, опять же, я, конечно, балансирую на грани преувеличения. Нельзя отрицать, что именно язык «нереального» придает очарование культурной жизни. В прагматическом языке реальности, где вещи «таковы, какими они являются», — мужчина, женщина, солнце, земля, вода и т.п., — именно когда мы привносим язык другой реальности, повседневная реальность трансформируется, и однообразие превращается в чудо. Именно существование пространства непрактического смысла позволяет нам идеализировать, испытывать романтические чувства, и просто женщина для нас — «вот это Женщина!», закат — особое время для ритуалов поклонения, ты — это лунный свет, а вода может стать святой. У нас всегда будет потребность в языке, не укорененном в «той самой реальности» настолько, чтобы мы имели возможность рефлексировать и критически относиться к ней. Освобождение от конвенционального требует, чтобы мы бросили взгляд за пределы привязанных к практической деятельности языков культуры.

Сокращение и новая конфигурация: сотовый телефон

«Без мобильного моя эмоциональная жизнь развалилась бы». *Сара из Уиллоу-Гроув, Пенсильвания*

Распад реальных сообществ, глубины отношений «лицом к лицу», утрата централизованного, согласованного ощущения *себя*, моральных предписаний, и «выкорчевывание» смысла из материального контекста, — вот как в современной культуре проявляется отсутствующее присутствие. Таковы результаты развития и приумножения большинства

коммуникационных технологий прошлого века. Но, что интересно, в предшествующее обсуждение отсутствующего присутствия телефон не был включен. И сейчас мы должны восполнить этот пробел. Начав рассматривать функции телефона, мы оценим глубинный потенциал мобильной связи. Я не хочу сказать, что эффект использования сотовых телефонов совершенно однозначен. Конечно, существуют разные способы их применения, каждый из которых модифицирует все, что я здесь буду говорить о наиважнейшем вкладе мобильной связи в культурную жизнь. Но сначала надо обсудить телефон как таковой.

Когда в начале века в культуре появился такой объект, как телефон, он стал служить для расширения и укрепления отношений «лицом к лицу». Соседи и коллеги по бизнесу получили возможность общаться без досадной необходимости перемещать свое тело в пространстве. У соседей был непосредственный доступ друг к другу, а при помощи телефонной барышни они могли общаться с теми, кто далеко. (Здесь я припоминаю свою попытку в возрасте пяти лет «убежать из дома», когда я обнаружил, что родители могли следить за каждым моим шагом, общаясь по телефону с наблюдавшими за мной соседями). Чтобы быть точным: мы обнаруживаем здесь расширение отсутствующего присутствия, но совсем другого рода по сравнению с тем, что обсуждалось раньше. Телефон действительно требует, чтобы участники разговора оторвали внимание от непосредственного окружения. Однако важно провести различие между видом отсутствующего присутствия, который можно было бы назвать *эндогенным* (в контексте значимых отношений), и, соответственно, *экзогенным* отсутствующим присутствием. В отличие от радио, газет, журналов, фильмов, звукозаписей и телепередач, приходящих в сообщество извне, телефонный разговор в ранние годы существования телефона был в основном эндогенным. Он возникал внутри отношений «лицом к лицу» и расширял их возможности.

Сейчас телефон во многом утратил свою способность быть ресурсом для эндогенных взаимоотношений. Отчасти это происходит благодаря увеличению количества телефонных номеров и снижению стоимости переговоров с другими городами и странами. Это создает постоянную возможность того, что некто, кого мы знаем очень поверхностно, может вторгнуться в нашу жизнь: «Мы встречались в прошлом году...», «Я звоню Вам, потому что Ваша дочь — лучшая подруга моей дочери...» и т.п. Более значимо то, что мир коммерции сейчас очень часто полагается на маркетинговые исследования, проводимые по телефону, и такие же рекламные акции. Автоответчик, изначально ис-

пользовавшийся для того, чтобы сообщения близких и значимых людей достигали адресата, сейчас часто применяется в качестве защиты от звонков посторонних людей и торговых агентов. Требуется устройство, не записывающее, а экранирующее звонки, чтобы человек мог выбрать, на какие звонки отвечать. (Многие вообще отключают автоответчик, чтобы уменьшить поток сообщений, требующих отклика). Далее, из-за того, что автомобиль, общественный транспорт и трансконтинентальные авиарейсы способствуют высокой мобильности, из-за того, что семьи, где и муж, и жена работают, становятся нормой, — некоторые люди общаются «лицом к лицу» круглые сутки, а некоторые муниципалитеты в пригородах днем пусты и безлюдны. Там остаются только те участники сообществ, общающихся «лицом к лицу», кому телефон помогает, расширяя диапазон возможностей общения. Телефоны там есть, а вот общаться практически некому.

Вот в этот момент и происходит драматическое явление сотового телефона. Мобильник сейчас служит *par excellence* средством для укрепления и усиления эндогенных отношений. Реальность и нравственные устои отношений «лицом к лицу» обновляются и оживают, и это — следствие постоянной доступности для общения, которую обеспечивает мобильный телефон. Но сам факт, что человек оказывается доступным, уязвимым для звонков в любое время дня и ночи, требует тщательного отбора тех, кому можно доверить знание номера нашего телефона. Наш номер обычно знают те, кого мы так или иначе считаем близкими в традиционном смысле этого слова: родственники, возлюбленные, коллеги по работе и т.п. Таким образом, есть некое ядро отношений, которое постоянно может поддерживаться. Да, поле отсутствующего присутствия расширяется⁷, но страдают в данной ситуации случайные взаимоотношения, а не те, которые составляют ядро жизни человека. Диалогическая природа коммуникации служит дополнительным источником жизненности. Примеры подобного «ядерного усиления» доступны где угодно. Пока я в течение часа ехал в поезде из Нью-Йорка в Филадельфию, мужчина, сидевший позади меня, позвонил своей «Марии» по меньшей мере четыре раза, чтобы поделиться своими размышлениями. Сандра из Уиллоу-Гроув использует 45 минут бесплатных разговоров ежедневно, чтобы пообщаться с близкими друзьями. Взрослые

⁷ В течение последних 15 лет количество американцев, владеющих сотовыми телефонами, растет по экспоненте: в 1985 году их было около 200 000, а в 1999 — 80 000 000. — Прим. автора.

обеспечивают своих детей-подростков сотовыми телефонами, чтобы всегда знать, где ребенок и что с ним ничего не случилось.

Эффективность сотового телефона в поддержании эндогенной реальности и расширении ее возможностей частично отражается в том чувстве сожаления или протеста, которое многие испытывают, когда при них разговаривают по сотовому. Это не только потому, что покой и созерцание человека могут быть нарушены тем, что кто-то рядом болтает. Больше всего досады вызывает то, что разговор по сотовому телефону активно исключает присутствующего человека из общения. Разговор по сотовому обычно создает некое инсайдерское, внутреннее пространство для «нас-говорящих», в отличие от внешнего пространства посторонних, тех, кто находится в пределах слышимости, но не может вступить в разговор. Неважно, слушаешь ты или нет; и это подчеркивает незначимость человека присутствующего, но не участвующего в разговоре. Если, допустим, это наш близкий человек говорит по телефону в нашем присутствии, тем более, если это человек, примерно равный нам по статусу, тогда досада может быть особенно острой. По сравнению с привилегированным собеседником-по-телефону, присутствующий собеседник оказывается вторичным, малозначимым. Эффективность сотового телефона для поддержания эндогенных отношений подтверждается также хором жалоб на то, что «мой мобильник — это моя тюрьма». Здесь мы обнаруживаем сопротивление тому, что всяческие стандарты, обязательства и ожидания постоянно вторгаются в сферу наших близких отношений. В мире, где человек все сильнее вовлечен в многочисленные, многомерные отношения, постоянное навязывание какой-то одной перспективы может казаться ограничивающим, сковывающим.

Обновление отношений «лицом к лицу» тоже имеет достаточно широкие культурные последствия. Давайте вспомним те последствия отсутствующего присутствия, которые мы обсуждали раньше. Вместо того, чтобы уравнивать значимость взаимоотношений, сотовый телефон вносит свой вклад в сокращение отношений в пользу вертикального регистра. Сотовый телефон отдает привилегированное положение немногим избранным близким людям, и тем самым сокращается горизонтальное, латеральное движение в сфере общения с людьми. Человек тратит время общения на тех, кто действительно значим для него. Таким же образом полагается предел тенденции к фрагментации, раздроблению я и диффузии. При помощи сотового телефона сообщество наших близких более эффективно поддерживает нашу идентичность

как отдельного, единого и согласованного существа. Человеку постоянно, хотя иногда и болезненно, напоминают о его месте в потоке социальной жизни, что является также способом настройки его морального компаса. Обновляя и поддерживая свою отдельную идентичность, мы сохраняем также свой уникальный набор ошибок, прав, обязанностей, запретов, и становится ясно, что такое наша совесть и чего она от нас требует.

По отношению к «парящим мирам», пробужденным к жизни технологиями отсутствующего присутствия, возникает более сложная картина. С одной стороны, сотовый телефон способствует расширению символического мира, который может быть мало связан с непосредственным, практическим окружением каждого из говорящих. Когда пешеход, посетитель кафе или пассажир поезда погружены в разговор по сотовому, их участие в событиях непосредственного физического окружения становится неполным. Именно фатальные последствия подобного отвлечения внимания сейчас приводят к тому, что все большее количество штатов Америки запрещают использование сотовых телефонов во время вождения автомобиля. (Недавно в Израиле арестовали одного водителя, который придерживал руль коленями: в каждой руке у него было по мобильнику).

В то же самое время, есть более тонкие способы, которыми сотовый телефон может обеспечить новую интеграцию отсутствия и присутствия. Я расскажу вам историю, которую мне поведал мой коллега. Семья собирается за столом, и родители запрещают своей дочери-подростку пойти в субботу вечером туда, куда она собиралась. «Ты обязана быть дома к полуночи, — говорят они, — и все родители твоих друзей согласятся с нами». Однако вместо того, чтобы подчиниться велениям гораздо высших сил, дочь достает из кармана сотовый телефон и начинает звонить друзьям. Когда все друзья, один за другим, подтверждают, что родители разрешают им возвращаться позже двенадцати, разговор меняет направление, и постепенно вырабатывается компромиссный план. Миры детей и родителей, родственников и далеко живущих знакомых переплетаются. Вот другой пример: я стоял в очереди к кассе в местном супермаркете, и слышал, как женщина, стоявшая где-то впереди, звонила подруге. Мы все узнали, как она была поражена известием о том, что умер какой-то знакомый. После того, как она закончила разговор, женщина, расплачивавшаяся в тот момент за покупки, обернулась и сказала, что она тоже была знакома с покойным, и ей тоже очень жаль. Продавец сказал, что новости об этом появились в

утренней газете, и предоставил всем желающим возможность ознакомиться с ними. И вновь сотовый телефон помог связать воедино прежде отдельные миры. Фактически, из-за его гибкого проникновения в различные социальные контексты, сотовый телефон уникален по своей способности связывать миры, которые бы в противном случае отсутствовали, и непосредственную, актуальную ситуацию.

Опасности пророчеств

«Быстрее вспышки. Безумно разнообразное. Интернет-центрированное и цифровое. За пределами. Через двадцать лет тенденции, завладевающие нашим миром сейчас, превратятся всего лишь в один из элементов быстро развивающегося и богатого на отвлечение внимания стиля жизни».

USA Today, выпуск, приуроченный к наступлению нового тысячелетия.

Я долго говорил о том, что в двадцатом столетии возникло и распространилось состояние отсутствующего присутствия. Однако в то время как форма отсутствующего присутствия, возникновению которой способствует большинство коммуникационных технологий, является неблагоприятной для сообщества и близких глубоких отношений между людьми, переживания *себя*, моральных устоев и функциональных связей между пространствами смысла и действия, сотовый телефон является потенциально мощным средством придержать культурное движение в этом направлении. Во многих отношениях, тем самым, мы можем радостно приветствовать постоянное развитие и приумножение технологий сотовой связи. В то же самое время есть причина остановиться и задуматься, прежде чем делать подобный вывод. Здесь особенно важны две линии рассуждения.

С одной стороны, мы можем ожидать существенного торможения развития технологий сотовой связи в том виде, в каком они существуют сейчас. У нас есть причина подозревать, что жизнь большей доли населения настолько тесно связана с потреблением теле-, видео-, музыкальной и Интернет-продукции, что для этих людей локальность, которой способствуют сотовые телефоны, будет восприниматься как препятствие на пути к желаемому образу жизни. Те эффекты использования сотовых телефонов, которые мы обсуждали, могут иметь для них

негативную коннотацию. Технология сотовой связи не только поддерживает некую местечковость, она, как дамба, стоит на пути требования участия во все более многоголосном, мультикультурном мире. Единое согласованное переживание себя, приверженность определенному моральному кодексу или какому-то одному сообществу, может, на самом деле, восприниматься как ограничение. Участие в общемировом потоке смысла требует гибкости, мобильности, легкости перемещений и способности рассматривать происходящее со всех сторон. С этой точки зрения, требуются новые формы технологии сотовой связи, которые будут больше соответствовать другим коммуникационным технологиям, описанным выше.

Подобное сопротивление и желание изменений также будут лить масло в огонь технологических перемен. Сотовый телефон может измениться настолько, что это сведет на нет смысл его нынешнего существования. Хотя круглосуточная доступность небольшой избранной группе людей обладает для них сомнительной ценностью, люди будут считать, что маленький, портативный инструмент, способный расширить наш контакт с социальным и материальным миром, очень полезен. Уже сейчас у нас есть мобильники, в программном обеспечении которых присутствует калькулятор, органайзер и многие другие элементы, характерные для карманного компьютера. Мы можем ожидать возникновения сотовых телефонов-микрокомпьютеров, обеспечивающих выход в Интернет, поддерживающих использование программ электронной почты, прослушивания музыки и чтения электронных текстовых документов. Эта неизбежная тенденция к расширению функций инструмента будет способствовать экспансии отсутствующего присутствия экзогенного типа. Однако есть много причин надеяться, что вложения в традиционные культурные ценности приведут к возникновению каких-то других инноваций, гарантирующих наличие напряжения между стабильностью и заботой, с одной стороны, и необузданными переменами, с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brown M.E. (1994). Soap opera and women's talk. Thousand Oaks, CA: Sage.
2. Gergen K.J. (1996). Technology and the self: From the essential to the sublime. In D. Grodin and T. Lindlof (Eds.) Constructing the self in a mediated age. Beverly Hills. Sage. pp. 127–140.

3. Gergen K.J. (1999). An invitation to social construction. London: Sage.
  4. Gergen K.J. (2000). The saturated self (2nd. ed.) New York: Perseus.
  5. Jones S.G. (Ed.) (1998). Cybersociety 2.0. Thousand Oaks, CA: Sage.
  6. Kiesler S. (Ed.) (1997). Culture of the internet. Mahwah, NJ: Erlbaum.
  7. Miller J.K. and Gergen K.J. (1998). Life on the line: The therapeutic potentials of computer mediated conversation. *Journal of Marriage and Family Therapy*, 24, 189–202.
  8. Ong W.J. (1982). *Orality and literacy, the technologizing of the word*. London: Methuen.
  9. Porter D. (Ed.) (1997). *Internet culture*. New York: Routledge.
  10. Rheingold H. (1994). *The virtual community*. London: Minerva.
- // В сети Интернет: <http://www.rheingold.com/vc/book/>

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // *Философия эпохи постмодерна*. — М., 1995.
2. Дебор Г. *Общество спектакля*. — М.: Логос, 1999.
3. Де Лакло Ш. *Опасные связи*. — М.: Азбука, 2002.
4. Макинтайр А. *После добродетели. Исследования теории морали*. — М.: Академический проект, 2000.
5. Музиль Р. *Человек без свойств*. — М., 1994.